

МАРИНА СТРУКОВА

ГЕНОКОД

В осаждённой стране, где пока не едят друг друга,
а иллюзию мира обеспечивает реклама,
где в кармане твоём рука государства-друга
и прогресс освящает холёный слугитель храма,
где националисты готовы раздать всю землю
и страну ужать до параметров огорода,
только чистой кровью гибели не приемлю,
уповая на мощь безупречного генокода.

У Руси в генокоде тысяча битв,
тысяча битв за тысячу лет,
их не выбить ритмом чужих молитв,
это не изменят статьи газет,
и простая речь, и пустая страсть —
мы же помним долгий великий путь.
У Руси в генокоде былая власть,
но без силы злость потеряла суть.

И однажды, соратник, задумаемся: а надо
здесь искать свободу — словно в стогу иголку?
Отвечать за всех — словно псу отвечать за стадо,
а оно привыкло жертвовать лучших — волку.
А оно привыкло волю менять на водку.

СТРУКОВА Марина Васильевна родом из Тамбовской области. Окончила Высшие литературные курсы. Член Союза писателей России с 1996 года. В нашем журнале печатается с 1992 года. Живёт и работает в Москве.

Единицам — правда, массам — вождя покрепче.
И тюремный психолог спросит через решётку:
— Вы про генокод? А вам от этого легче?

У Руси в генокоде тысячи слов,
тысячи слов за тысячу лет,
чаще ложь, а мы этой лжи улов...
— Вновь из рук вырывают плоды побед,
и живут за нас, и попробуй — тронь,
легче выйти вон — в небо белый трап.
У Руси в генокоде живой огонь,
но пригрелись около враг и раб.

ПРИГЛАШЕНИЕ В ЕВРОПУ

Прилетел “юнкерс” пригласить Россию в Европу
бомбами по составу, идущему на Москву.
Что ещё нужно русскому — варвару и холопу,
ордынцу, дегенерату, большевику?

Нам несут свободу, цивилизацию,
истинное просвещение,
протестантское крещение,
некоторым — стерилизацию.

У вагонов девочка лежит во рву,
видит окровавленную траву,
поднимает голову: на крыльях — кресты.
Земля вздрагивает от взрывов на три версты.

Нам несут бизнес, гуманизацию,
Кавказу — освобождение,
славянам — возрождение,
глобальную приватизацию...

...Мёртвого лётчика скручивают в небе стропы.
Девочка вырастет, состарится. На её веку
возможны натовцы с приглашением в Европу
русскому неудачнику, нищевроду, совку.

ПРОХОРОВСКОЕ ПОЛЕ

Танков гремучая тьма.
Доты — парадом планет.
Немцы сходили с ума.
Русские — нет.
Снег под кровавой корой,
в небе — лучистый просвет.
Немцы стрелялись порой.
Русские — нет.

Немцы сдавались потом,
немцы сломались потом,
немцы платили потом,
наши топтали потом
флаг со священным крестом...

Ваня, чему же ты рад?
Новым надеждам благим?
Русским достался парад,
Прибыль — другим.
Кремль и бесчестен, и лют,
трижды изменится гимн.
Русским достался салют,
воля — другим...

Жалко не прежних идей —
Горько за белых людей.

ТОРГОВЦЫ ОРУЖИЕМ

Мир враждою меняется,
болью, страхом, удушием.
Наша роль не теряется,
мы — торговцы оружием.

В страны не обречённые,
как в другие вселенные,
разбежались учёные.
Но остались — военные.

Строй история сдвинула,
каждый миф — переменная,
вся промышленность сгнула.
Но осталась — военная.

Рейте чаще, валькирии,
над чужими широтами.
Для Ирана и Сирии
БМП с вертолётными,

автоматы с зенитками.
Не продать только удали.
Мы свинцовыми нитками
эти земли опутали.

Будут выстрелы точные,
будут вести тревожные.
Войны ближневосточные —
наши рынки надёжные.

И в эфире истерики
на досуге послушаем,
как подручных Америки
гробят русским оружием.

РЕВОЛЮЦИЯ ОДИНОЧЕК

Расстановка последних точек
в русской летописи сейчас.
Революция одиночек.
Я не верю в рассудок масс —

в студень, залитый мутным пивом,
где один электрод на всех
зажигает словцом красивым,
возбуждает счастливый смех.

Ведь важнейшее из умений —
не чужой транспарант держать:
без метаний и без сомнений
за себя самого решать.

Кто с трибун языком не мелет,
кто на выборы не зовёт,
если надо, быстрее пристрелит,
если надо, смелей взорвёт.

Расстановка последних точек
в русской летописи сейчас.
Революция одиночек.
Отдыхай, креативный класс.

Ложью “левых” и страхом “правых”
множьте перечень неудач,
рассмеётся из грёз кровавых
русский Брейвик — святой палач.

* * *

На гражданскую опоздал
и Второй мировой не знал,
только мужества и не сдал,
место подвига — криминал.

Вам газетчики без затей
наштампуют пустых статей,
расшифруют, за что сидит
офицер, а теперь — бандит.

Только всё, что ты знаешь — ложь.
Я же был, как забытый нож,
как отброшенный автомат:
кто найдёт — я не виноват.

Офицер, а теперь — бандит...
Там, где правилен путь планет,
я у Дона в бою убит
так давно, что меня здесь нет.

* * *

Прячь с долларами конверт,
для выкупа — некомплект,
Россия требует жертв,
как всякий большой проект,
как слишком широкий жест,
способный случайно сбить,
как облачный в небе крест,
который не подрубить.

Ступай на Калинов мост,
где вечно стоит дракон,
Россия — прекрасный монстр —
безжалостна испокон.
Рождённые под ножом,
взращённые для атак,
мы Родину бережём
за славу, за смерть, за так.

* * *

Россия, Россия, ты мой потолок
и стены казённой избушки,
где каменным блоком становится Блок
и Пушкин — названием пушки.

Зато здесь и Солнце, и Месяц, и грош,
и пряник, и кнут, и причастье.
Наш космос привычен и этим хорош,
знакомое зло вроде счастья.

Пусть голос Хозяина грозно звучит
и лучший наряд — это латы,
а ежели кто-то в окно постучит,
то это всегда супостаты.

Терпеть притеснения — возвышенный рок,
расти над другими — неместно,
но я головой подниму потолок
и выйду... и выпаду в бездну.

СМЕРТЬ ПОЭТА

— Домой везите, — он сказал.
— Ты дома, — был ответ.
А всё же виделся вокзал,
где тот и этот свет
пересекались под углом
и разбегались врозь,
как на разъезде рельс излом
с изломом вкривь и вкось;
вокзал, где шёл за рядом ряд
вон из себя народ
слова, что на табло горят,
читать наоборот,
в купе до призрачных застав
дремать на облаках,
пока летит на дно состав
в пылающих венках.

ИРЛАНДСКАЯ СКАЗКА

С войны в изрубленной броне
он ехал на чужом коне,
и видит в паутине тьмы
хрустальные холмы.

Оттуда вышла дева сна,
как лилия, мила,
и чашу, полную вина,
герою подала.
“Отбрось тяжёлое копье,
пусти в луга коня,
зайди на миг”. А миг её —
три сотни лет, три дня.
И сколько времени прошло,
он не заметил, но
всё чаще хмурилось чело,
и губы жгло вино.
Он молвил ласковой жене
однажды поутру:
“Я вспомнил о родной земле:
а всё ли там к добру?”
“Ну, что ж, езжай в юдоль тщеты,
но слушайся меня
и на родную землю ты
не смей ступить с коня”.
Хлестнул он плетью скакуна,
спеша, как из тюрьмы,
исчезли в пропасти без дна
хрустальные холмы.
“Я близко к сердцу не приму,
души не распахну,
не улыбнусь, не обниму,
на всё рукой махну”.
И вот уже края близки,
где был он на посту.
Несут навстречу старики
могильную плиту,
чернеет яма на лугу,
и слышен плач вдали.
С коня он спрыгнул: помогу.
И чует зов земли.
Распался прахом в пустоте.
А на могильной той плите
лишь имя славное его.
И больше ничего.

* * *

Мне бабушка говорила таинственно и напевно:
— В гражданскую это было, пришла к нам в село царевна.
Держалась она достойно, в одежде простой, из ситца,
твердила: осилим войны. Просила за Русь молиться.
В рассказанном лжи не вижу: какое же самозванство —
не в Лондоне, не в Париже — в Рязани учить крестьянство,
скитаться в года лихие, казаться мечтой о чуде.
Укрыли леса глухие, не выдали добры люди
ни власти, ни волчьей пасти. И так она кочевала,
ни крошечки не просила, ни грошика не искала.
Обитатели, сёла, тропы, дороги о край Европы.
Гражданская. Глушь. Россия.
Царевна Анастасия.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ХЛЕБ

От алтаря имперских треб
восходит горький дым.
В моих руках — железный хлеб,
врагов встречаю им.

Он закалён, как воля воль,
победы проводник.
Клубится каменная соль
на свастичный рушник.

Возьмёте? Непомерный груз
не спрятать по торбам,
а отхватить дерзнёте кус —
вовек не по зубам!

* * *

Московский текст — размашисто-широк,
а петербургский — сдержанно-возвышен.
В Москве — бунтарь и воин лучше слышен,
а в Питере — философ и пророк.

Но есть единство чувств и веры ось,
традиция жива народной славой.
Надейся на искусство, лжец двуглавый,
покуда от Кремля не отреклось!

И если Бог не выдаст, чёрт — не съест,
вновь на земле с имперской русской пробой
уравновесят Азию с Европой
московский текст и питерский подтекст.